

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 164–178.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2023. Issue 3 (15). P. 164–178.

Научная статья

УДК 81`37

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-164-178>

«ТУДА НЕ СМОТРИ, СЮДА НЕ ХОДИ...». СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-ПЕРЕДРАЗНИВАНИЯ

**Анна Владимировна
Павлова**

Майнцкий университет
имени Иоганна Гутенберга
Майнц, Германия
anna.pavlova@gmx.de

Аннотация. В статье подробно рассматриваются фразеологизмы-конструкции, применяемые как ироничные имитации собеседника (передразнивания) или псевдопередразнивания (когда говорящему только кажется, что он кого-то передразнивает, или он намеренно искажает мысль собеседника или третьего лица). Дается подробное определение понятия «передразнивание» как лингвистического термина, выявляются ключевые аспекты и свойства передразнивания как акта коммуникации. В фокусе внимания находится предложенная в статье классификация фразеологизмов-конструкций, представляющих передразнивания или включающих в себя элементы передразнивания. Классификация построена на единой системе классификационных критериев. В статье также уделяется внимание анализу семантики и прагматики указанных фразеологизмов-конструкций, в ней исследуются как структура и значение самой синтаксической модели, так и ее коммуникативные функции в различных контекстах, в первую очередь – иллокуции. Основываясь на широком объеме лингвистических данных и примеров, автор подробно исследует использование фразеологизмов-конструкций с семантикой передразнивания в разнообразных речевых ситуациях и стилях, демонстрируя их диалогическую природу. Это исследование вносит вклад в понимание роли и значимости передразнивания в рамках фразеологии и языковой коммуникации.

Ключевые слова: передразнивание, фразеологизм-конструкция, фразеосхема, синтаксическая идиоматика, иллокуция.

Благодарности: Настоящая статья написана в рамках проекта COST Action CA 22115 «A Multilingual Repository of Phraseme Constructions in Central and Eastern European Languages (PhraConRep)» (см. Action CA22115 - COST). Пользуюсь возможностью выразить благодарность Н. Д. Светозаровой, Д. О. Добровольскому и Л. Э. Найдич за ценные соображения и замечания.

Для цитирования: Павлова А. В. «Туда не смотри, сюда не ходи...». Синтаксические фразеологизмы-передразнивания // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 3 (15). С. 164–178. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-164-178>

Сведения об авторе: А. В. Павлова – кандидат филологических наук, доцент факультета переводоведения и культурологии, Майнцкий университет имени Иоганна Гутенберга, 76726, Германия, Гермерсхайм, Высшая школа 2.

© Павлова А. В., 2023

Scientific Article

UDC 81`37

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-164-178>

«DON'T LOOK THERE, DON'T COME HERE...». SYNTACTIC PHRASEOLOGISMS-IRONIC IMITATIONS

Anna V. Pavlova

The Johannes Gutenberg University Mainz
Mainz, Germany
anna.pavlova@gmx.de

Abstract. The article deals with phraseological constructions used as ironic imitations of the interlocutor or pseudo-imitations (when the speaker only seems to be imitating someone, or he deliberately distorts the thought of the interlocutor or a third person). The author gives a detailed definition of the ironic imitation as a linguistic term, identifies key aspects and properties of ironic imitation as an act of communication. The focal point of the article is the proposed classification of phraseological constructions that represent ironic imitations or include their elements. This classification is based on a unified system of classification criteria. The article also pays attention to the analysis of the semantics and pragmatics of the mentioned phraseological constructions. It investigates both their structure and the meaning of the syntactic model itself, as well as their communicative functions in various contexts, primarily their illocutions. Based on a wide range of linguistic data and examples, the author thoroughly explores the use of phraseological constructions with ironic imitation semantics in diverse speech situations and styles, demonstrating their dialogic nature. This study contributes to understanding the role and significance of ironic imitation within the framework of phraseology and language communication.

Keywords: ironic imitation, phraseological construction, phraseoscheme, syntactic idiomatics, illocution.

Acknowledgement: The present article is written within the framework of the COST Action CA 22115 'A Multilingual Repository of Phraseme Constructions in Central and Eastern European Languages (PhraConRep)' project (see Action CA22115 – COST). I would like to express gratitude to Natalia Svetozarova, Dmitriy Dobrovolskiy and Larisa Naiydich for their valuable insights and comments.

For citation: Pavlova, AV 2023, '«Don't Look There, Don't Come Here...». Syntactic Phraseologisms-Ironic Imitations', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (15), pp. 164–178, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-164-178> (in Russ.)

Information about the Author: *Anna V. Pavlova* – PhD in Philology, Associate Professor of the Faculty of Translation Studies, Linguistics, and Cultural Studies, The Johannes Gutenberg University Mainz, 2 An der Hochschule, Gernersheim, 76726, Germany.

---

1. Введение

Под фразеологизмами-конструкциями (ФК) понимаются фразеологические построения с частично фиксированным, а частично вариативным составом. Эти языковые структуры были описаны для русского языка ещё Н. Ю. Шведовой [14; 15], хотя она пользовалась другой терминологией и обозначила интересующие нас объекты терминами «фразеологизированные построения» или «фразеологизированные конструкции». Вообще терминов, используемых для обозначения феномена, о котором здесь идет речь, в целом немало: синтаксическая фразема, фразеосхема, синтаксическая идиома и некоторые другие. Термин «фразеологизм-конструкция» был предложен в [3, с. 9; 4, с. 86–90].

В данной работе термином «фразеологизм-конструкция» обозначается синтаксическая модель (паттерн), принадлежащая к языковой системе, в то время как в заполненном виде в речи мы имеем дело с конструктами. Фиксированные элементы ФК обозначаются термином «якорь», а вакантные места для заполнения в речи – термином «слот». Сами заполнители обозначаются термином «филлер».

2. О проекте создания переводного словаря фразеологизмов-конструкций

В настоящее время в среде GitHub создаются два онлайн-словаря (или две базы данных) «Фразеологизмы-конструкции и их перевод» с участием 35–40 исследователей из разных стран. Основная цель – описание 300 фразеологизмов-конструкций и их переводов на другие языки. Исходными языками одного из двух словарей является русский, а переводным – немецкий; другой словарь содержит в качестве исходного языка немецкий, а целевыми являются различные языки Центральной и Восточной Европы (польский, чешский, хорватский и др.).

В качестве источников примеров используются художественные и публицистические тексты, интернет-блоги и форумы, сериалы, фильмы, видео, радиопередачи, частные разговоры и публичные выступления. Основным источником примеров служат текстовые корпуса; для русского – прежде всего Национальный корпус русского языка (НКРЯ) – как основной, так и подкорпусы. Кроме того, поиск примеров производится в корпусе Sketch Engine. Для поиска переводных примеров в первую очередь используются так называемые параллельные текстовые корпуса. Если нужные переводы в них не отыскиваются, мы обращаемся в библиотеки. Если желаемая информация недоступна и там, мы переводим примеры сами и аннотируем перевод как «собственный перевод». В последнее время достаточно удачные переводы начинает предлагать и искусственный интеллект ChatGPT.

Целевой аудиторией для создаваемых словарей являются люди, изучающие языки, преподаватели иностранных языков, преподаватели перевода, переводчики и лингвисты. Изучающим язык нужно дать возможность не только понимать смысл ФК и конструктов, но и показать пути правильного и активного использования ФК. Активный характер словаря обеспечивается созданием всестороннего «профиля» ФК, охватывающего как можно больше аспектов, а именно:

- 1) структура ФК и ее варианты (если имеются);
- 2) значение (или несколько значений, если наблюдается полисемия ФК);
- 3) примеры на исходном языке без перевода;
- 4) морфологические характеристики;
- 5) синтаксис;
- 6) семантические ограничения и рекомендации по поиску филлеров;
- 7) просодия;
- 8) стиль;
- 9) использование в текстах;
- 10) примеры с переводами и комментариями к переводам;
- 11) общие рекомендации по эквивалентности и вариантам перевода;
- 12) полные синонимы (если отыскиваются);
- 13) неполные синонимы, или квази-синонимы (если имеются);
- 14) омонимы (если имеются);
- 15) паронимы (если имеются);
- 16) фразы-формулы, построенные по тому же образцу (если имеются);
- 17) идиомы, построенные по тому же образцу (если имеются);
- 18) дополнительная информация (при необходимости);
- 19)

ссылки на сходные ФК в том же репозитории (если таковые имеются); 20) ссылки на сходные ФК в других онлайн-источниках (если таковые отыскиваются).

Семантика ФК и ее описание непосредственно связаны с прагматикой: сложно отделить одно от другого, особенно когда описание семантики сводится к описанию иллокуции конструкта-высказывания как речевого акта.

Словарь с одной стороны соответствует направлению лингвопрагматики, с другой – лингводидактики.

3. Передразнивание как лингвистический термин

Основная задача статьи – продемонстрировать и описать некоторые фразеологические конструкции русского языка, коммуникативное назначение которых состоит в передразнивании собеседника, когда повторяется одно или несколько слов из его реплики в диалоге по типу «эха» или в виде синонима, или когда слова собеседника подаются в искаженном виде, так как говорящему кажется, что его собеседник говорил именно таким образом или по крайней мере имел нечто подобное в виду (псевдоцитация).

В Словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой [2] термин «передразнивание» отсутствует. В 30-томном Большом академическом словаре русского языка (БАС) словарная статья к лемме «Передразнивание» короткая: это «действие по значению глаголов *передразнивать* и *передразниваться*». В статье к лемме «Передразнивать» сказано: «подражая кому-либо в мимике, телодвижениях, манере говорить и т. п., представлять его в смешном, комическом виде». А глагол *передразниваться*, согласно БАС, означает: «1. передразнивать друг друга. 2. страд. к передразнивать» [5]. Если исходить из этих пояснений, конструкции типа *от дурака слышу; сам дурак; то ей подай, это принеси; спешит она, как же; какая я тебе Танечка* и многие другие не являются передразниваниями, так как не служат для представления кого-либо в смешном, комическом виде, а выражают такие иллокуции, как отпор, обида, раздражение, недоверие.

В лингвистической литературе о передразнивании отыскивается совсем немного сведений. Чаще всего этот вид коммуникации упоминается вскользь, в контексте перечисления и описания способов речевого манипулирования, речевой агрессии, некооперативного речевого поведения [7; 10; 11]. Передразниванию не дается определений: этот термин вводится в текст как нечто известное, не требующее дополнительных пояснений.

В обширном исследовании, посвященном различным ксенопоказателям [12], упоминаются некоторые способы и виды передразнивания (например, речевые модели, начинающиеся с междометий или частиц «ах», «так и так мол» или включающие показатели чужой речи в середине фраз «видите ли», «да» с повтором цитируемого слова и др.), но не используется термин «передразнивание».

В работе Н. Д. Арутюновой «Диалогическая цитация (К проблеме чужой речи)» [1] описано целое поле коммуникативных стратегий, объединяемых термином «экспрессивная цитация». Передразнивание можно рассматривать как подтип экспрессивной цитации, но не все случаи экспрессивной цитации представляют передразнивание чужой речи. В [8, с. 263–264] передразнивание обозначено как «неодобрительное цитирование».

4. Передразнивание как коммуникативная стратегия: определение

Для целей данной работы требуется развернутое определение, в котором были бы названы основные отличительные признаки передразнивания.

Передразнивание – это встречающийся в диалогической речи риторический прием и коммуникативная стратегия, заключающаяся в точном или искаженном повторении слова, словосочетания или короткой фразы из реплики собеседника или третьего лица, иногда с удвоением или даже с утроением повторяемой единицы.

Цитироваться может непосредственно предшествующая реплика или реплика (или даже множество реплик), когда-то ранее слышанная говорящим, о которой он вспомнил. Бывает и так, что цитируются (обычно неточно, искаженно) множество разрозненных, произнесенных ранее в разное время реплик, обобщаемых термином «псевдопередразнивание».

Фраза, содержащая передразнивание, не обязательно состоит только из цитаты, но может включать в себя и другие лексические и грамматические элементы.

Высказывания, состоящие из передразнивания или включающие его в себя как составной элемент, являются речевыми актами с определенным набором иллокуций. Иллокуции речевого акта-передразнивания могут быть разными: насмешка, скепсис, недоверие, удивление, отпор, возражение, раздражение и многие другие; в самом общем виде их объединяет семантика обиды, досады, недовольства.

ФК-передразнивание – это закрепленный на уровне языковой системы способ (модель) проявления обиды говорящего на собеседника или стремления обидеть собеседника или третье лицо. В передразнивании может также выражаться недовольство самим собой, собственным поведением (передразнивание самого себя). Важную роль в оформлении речевых актов данного типа играет просодия: у каждой ФК своя просодическая модель, куда входит не только мелодический контур, но и место фразового ударения, его сила, место пауз, особенности акустической реализации пауз, а также, возможно, ритм, тембр, иногда растягивание гласных. Имеются ФК, которые могут быть реализованы при помощи нескольких просодических моделей. Хотя некоторые из этих моделей соответствуют одному из семи типов интонационных конструкций, описанных Е. А. Брызгуновой [13] (ИК-1, ИК-2... ИК-7), очевидно, что семи ИК для описания всего разнообразия просодических моделей ФК недостаточно. К сожалению, рамки статьи не позволяют углубиться в тему просодии.

5. Передразнивание – стратегия ведения диалога?

Передразнивания встречаются в первую очередь в диалогической речи. Исключение составляет монологическая речь (нарратив), в которой говорящий передразнивает третье лицо или самого себя. В диалоге реплика, обращенная к собеседнику и содержащая передразнивание, несет, как правило, деструктивную функциональную нагрузку, препятствуя спокойному и конструктивному течению диалога. Она далеко не всегда свидетельствует об агрессии и не обязательно приводит к прерыванию диалога. В первую очередь она является реакцией на какие-то слова собеседника и представляет собой акт обратной связи: собеседнику в той или иной форме посылается сигнал, что он был услышан.

Передразнивание собеседника не означает, что говорящий не воспринимает его всерьез или не придает его мнению значения. Напротив, как правило, передразнивание свидетельствует о том, что слова собеседника значимы для говорящего: он в той или иной форме на них реагирует, повторяя одно или несколько слов из речи собеседника. Если говорящий обижен, задет, протестует, дает отпор (например: *Какой я тебе братишка! Нашёл братишку!*) – даже в этом случае диалог далеко не всегда прерывается. Реплики-передразнивания часто служат для поддержания или восстановления статуса говорящего в глазах собеседника, они могут выполнять функцию перераспределения ролей в акте коммуникации, отрезвлять собеседника, призывать его к сохранению дистанции, сигнализировать о границах личного пространства и выполнять иные важные функции психологического и социального характера. Тем не менее передразнивания являются, несомненно, помехой для доброжелательного, открытого и доверительного контакта и в этом смысле представляют собой противоположность фатическим речевым актам.

Можно было бы назвать передразнивание одной из стратегий ведения диалога, если бы оно ограничивалось только употреблением в диалогической речи, в от-

ветных репликах в адрес собеседника. Однако передразнивание распространяется и на третье лицо, в том числе когда это лицо лишено возможности воспринимать соответствующее высказывание-передразнивание и быть участником акта коммуникации. Например: *То ей подай, это принеси* – фраза, которая звучит в диалоге или в монологе, в ситуации, когда «она» отсутствует в поле зрения и не слышит данную фразу. Передразнивание осуществляется, таким образом, как в глаза, так и за глаза – последнее, например, имеет место при передразнивании-жалобе, как в приведенном примере.

Передразнивать можно и самого себя; назовем этот вид передразнивания термином «эгопередразнивание». Эгопередразнивание – подтип эгоцитации. Последняя имеет место либо в диалоге, когда говорящий повествует о собственном речевом поведении в прошлом, либо в монологе-нарративе. Эгоцитата может вводиться специальными средствами, например: *А я ему / ей: ... (А я ему: «Хватит врать-то!»)* или *А я-то всё: ... (А я-то всё: женись да женись)*. Эгопередразнивание – частный случай эгоцитации, когда говорящий представляет самого себя в ироничном ключе, подтрунивая над собой (например, над собственной наивностью, прекраснодоушием, доверчивостью).

Передразнивание может рассматриваться как одна из стратегий ведения диалога в первую очередь в тех случаях, когда оно касается второго лица. Конечно, в диалогах могут встречаться передразнивания и себя самого, и третьего лица, когда собеседники его обсуждают, однако термин «стратегия диалога» касается прежде всего выстраивания реплик по отношению к собеседнику и во взаимодействии с ним.

Передразнивание встречается и в нарративе. В таком случае затруднительно говорить о стратегии ведения диалога. При этом передразнивание по своей природе диалогично в принципе: даже если говорящий передразнивает третье лицо или самого себя в монологе, такой монолог диалогичен: говорящий кому-либо о ком-либо рассказывает и в своем рассказе использует элемент диалога или беседует сам с собой, что тоже является по сути одной из форм диалога.

6. Типы ФК-передразниваний

Рассмотрим несколько ФК, которые самой своей структурой предназначены для выполнения ими коммуникативной функции «передразнивание». Все ФК разделим на типы по критерию «степень искажения»: 1. ФК, в которых цитация осуществляется точно, то есть слово или словосочетание из реплики собеседника воспроизводится «один к одному»; 2. ФК, в которых присутствуют искажения (неточное цитирование и даже псевдоцитирование); 3. ФК, допускающие оба типа цитирования или позволяющие вовсе обойтись без цитаты (и, следовательно, без передразнивания); 4. ФК, в которых цитата (или псевдоцитата, то есть выдуманная цитата) сопровождается ее намеренным искажением в целях достижения эффекта языковой игры. По этим четырем типам и будет структурирован материал данного раздела. Из соображений объема будет представлено только небольшое количество ФК из общего массива и приведен минимум их характеристик.

6.1. ФК – передразнивания с точной цитацией

6.1.1. $X', X'[\dots / !]$ или (вариант) $[всё / только] X'$ да $X'[\dots / !]$: *А он только «му» да «му»...* (Корней Чуковский. Телефон)

Говорящий передразнивает собеседника, дважды повторяя одно из (обычно последних) слов из реплики собеседника (по типу «эха»). Конструкт нередко вводится глаголом *заладить* или выражением *Ну что ты всё: ...* или *А она всё: ...; А ты всё: ...; А ты только: ...* например:

(1) «Тьфу! Надоела! Заладила одно и то же – **сходи да сходи**. Ну, схожу, схожу! Отстань!» (Тамара Уманская. Граница. Таежный роман).

(2) Слышал, отец? А ты всё: **женись да женись**. (Юлия Григорьева. Погоня за сокровищем).

(3) Что же ты всё – **уйди да уйди!** (Николай Коляда. Колдовка).

В структурах *ну что ты всё...* или *а он всё..., а он только...* выпущен глагол: он додумывается (*говорить, повторять, твердить* и т. п.). Обычно конструкт передаёт раздражение или нетерпение говорящего в связи с тем, что собеседник спрашивает или просит его об одном и том же более одного раза на протяжении некоторого времени. Бывает и так, что вопрос задаётся собеседником всего один раз, но говорящий прибегает к конструкту, чтобы продемонстрировать своё раздражение, вызванное данным вопросом. Например: «*Куда ты идёшь?*» – «*Куда, куда! А тебе какое дело?*». Обычно повторяется либо одно слово, либо короткое словосочетание; может повторяться и короткая фраза (например, «*Как вам не стыдно, как вам не стыдно!*»). Ср.:

(4) Поликсена: Что там у тебя? Покажи, что!

Филицата: **Что да что!** Тебе что за дело! Ну, телеграф.

Поликсена: Как телеграф? Какой телеграф?

Филицата. **Какой телеграф да какой телеграф!** Отстань ты!

(А. Н. Островский. Правда – хорошо, а счастье лучше).

Если фраза собеседника относительно длинная (более четырёх слов), то из неё выхватывается только одно слово или короткое словосочетание (чаще всего последнее, но в случаях вопросов это обычно вопросительное слово: *куда, что, когда* и проч.). Например:

(5) «Папа, подожди. Скажи мне, как ты мог отдать “Верещагино”»? – спросил Леша. «Алеша, ну что ты заладил: **как ты мог, как ты мог?** Как попугай, ей-богу», – устало отозвался Самойлов. (Елена Веснина. Большие перемены)

Иногда (как в приведенном примере) говорящему кажется, что он слышал некоторые соображения собеседника, высказанные неоднократно, в то время как тот высказал свою мысль (или вопрос) всего лишь единожды. Тем самым повтор является искажением реальности, особенно если для введения цитаты используются глагол *заладил* или структуры *ну что ты всё* или *ты опять...*

Реплика-передразнивание может относиться не к собеседнику, а к третьему лицу, которого говорящий передразнивает в своем монологе-нарративе. Классический пример передразниваний такого рода – миниатюра Аркадия Райкина «В Греческом зале» по мотивам сатирического текста Михаила Жванецкого (см. <https://www.youtube.com/watch?v=-FuGuJ3u5EE>), откуда передразнивания *В Греческом зале, в Греческом зале! Ах, Аполлон, ах, Аполлон!*, произносимые с неподражаемой интонацией, прочно вошли в виде крылатых фраз в русский язык.

Цитация может быть отнесена и к животному, когда человек дважды повторяет звук, издаваемый животным, средствами своего языка, например, в детской поэме Корнея Чуковского «Телефон»: *А он только «му» да «му»*. Несмотря на то, что медведь не произносит «му», Чуковский цитирует звук, который издает медведь по телефону, не имея намерения его исказить, то есть все-таки хотя бы относительно точно.

6.1.2. **какой / какая / какие я / мы / он / она / они вам / тебе X? / !: Какая я вам милая?** (Сергей Довлатов. Заповедник)

Говорящий недоволен тем, как к нему или к третьему лицу обратились или как его назвали, и требует изменить это обращение или обозначение. Конструкт строится по типу реплики-эха: в нем непременно имеется прямая цитата из предыдущей реплики собеседника. Реплика-конструкт может явиться серьёзной помехой для продолжения диалога в конструктивном ключе. Ср.:

(6) **Какой я вам братец!** Оставьте меня. (А. Н. Островский. Доходное место)

(7) «Врёшь, дюшка», – сказал Переделов. – **Какая я вам дюшка**, чтой-то такое, насмешники этакие!» – закричала Клавдия (Фёдор Сологуб. Мелкий бес).

6.1.3. **Х он / она / они (в любом падеже) [, как же / видали? / слышали?]:** «Я знаю. Не волнуйся». – «Знает она...».

Реплика-эхо, выражающая недоверие или просто недовольство в адрес собеседника, обозначаемого здесь непосредственно в диалоге личным местоимением третьего лица. Говорящий подхватывает какое-то слово или словосочетание из реплики собеседника и повторяет его. Обозначение собеседника местоимением третьего лица представляется наиболее необычным признаком данной ФК. Например: «*Готовь парадный костюм, я устрою тебя на работу*». – «*Устроит он!*» Конструкт часто сопровождается чем-то вроде недовольного ворчания или реплика сама и есть ворчание. Недостоверность сказанного собеседником может быть подчёркнута и словами *да ладно* перед повтором лексического элемента из реплики собеседника или *как же* после повтора. Говорящий передразнивает собеседника, повторяя его реплику, но в третьем лице и с характерной особой интонацией (сильно понижая тон), как будто не обращается к собеседнику, а рассказывает о нём кому-то незримо, какому-то невидимому зрителю. Иногда говорящий как бы приглашает эту незримую публику разделить с ним его недоверие, неодобрение, презрение или ироническое отношение к сказанному и через сказанное к самому передразниваемому добавляя структурные элементы *видали* или *слыхали* даже если никаких свидетелей диалога в пределах досягаемости нет. Таким образом, говорящий ведёт себя в этих случаях так, как будто он актёр на сцене. По-видимому, его переполняет потребность поделиться с кем-либо своими эмоциями. Конструкт можно рассматривать как один из способов передразнивания с точным цитированием.

Филлером может быть любое слово из предыдущей реплики диалога, которое непосредственно касается действия или качеств собеседника, которого говорящий цитирует (чаще всего это предикат предшествующей реплики). Примечательно, что может в том числе использоваться слово с обязательной, но не заполненной в реплике-конструкте валентностью. Например, по-русски нельзя сказать просто *кто-либо устремил*, а нужно обязательно добавить, что именно (обычно *взгляд, взор, глаза*) и куда именно (например, *на море, вдаль, на неё*) кто-либо устремил. Но в рамках конструкта, служащего как способ передразнивания, один глагол устремил в сочетании с подлежащим *он* или *она* употребить вполне допустимо: *Устремил он...* – главное, чтобы этот глагол был произнесён в предыдущей реплике собеседника. В зависимости от части речи филлера, а также от формы, в которой соответствующее слово употребляется в предыдущей реплике, может меняться форма местоимения *он / она / они*; якорь-местоимение может употребляться в том числе после предлога, например, *у него / за ней / к нему / за ними* и т. д. Главное, что используется личное местоимение третьего лица, несмотря на ситуацию диалога. Если филлером является глагол, то и в этом случае глагол-филлер стоит в конструкте перед местоимением, а не после него, как в обычной фразе: *Не просил он!; Сожалеет она!* (ср. обычный порядок слов в неидиоматической фразе: *Он не просил...; Она сожалеет...*). Ср.:

(8) «Я всё решу!» – **Решит он...**» (Сериал «Условный мент», 4-й сезон, 26-я серия)

Несмотря на большую популярность данной конструкции в разговорной речи, в письменных текстах она встречается крайне редко; причиной является, по-видимому, её крайняя невыразительность на письме: значение ФК почти полностью

определяется просодией – низким тоном и монотонностью, напоминающей бормотание «себе под нос».

6.2. ФК – псевдопередразнивания

Некоторые ФК являются как бы резервуарами для неточной или искажённой цитации – разного рода передёргиваний, преувеличений, намеренных искажений. Говорящему либо кажется, что ему нечто говорили или говорят, хотя на самом деле, скорее, всего, в действительности он не слышал подобных формулировок, либо он обобщает и искажает слова человека, кого он недолюбливает, не уважает, хочет унижить хотя бы мысленно для себя или перед другими – в случае, если его слова не достигают того человека, которого он осуждает.

6.2.1. X [ему / ей / им / вам] [не] V imp?: Сло́ва ему поперёк не скажи...

В адрес кого-либо за глаза выражается недовольство, критика или жалоба в виде псевдокосвенной речи, как если бы критикуемое лицо приказывало говорящему или второму (третьему) лицу что-либо сделать (V) или, наоборот, чего-либо не делать (не V), в форме императива. Говорящий выступает здесь либо от своего имени (если его самого кто-либо обижает, кто-либо им помыкает и т. д.), либо от имени третьего (реже второго) лица, за которое он таким весьма косвенным образом, обычно за глаза, заступает. Иными словами, говорящий выступает в роли жертвы или от имени жертвы. В действительности говорящий лишь интерпретирует поведение критикуемого лица (реже животного, которое также способно предъявлять требования к хозяину и капризничать), словно бы перевоплощаясь в него и отдавая приказания от его имени – в том числе приказания, которые критикуемый «тиран» в действительности никогда не отдавал или отдавал иными словами, не столь откровенно или далеко не так уж часто, как это хочет изобразить говорящий. Таким образом, конструкт можно рассматривать как косвенное передразнивание и в то же время (обычно неправомочное) обобщение – и тем самым как гиперболу. Примечательно, что в передразниваниях и обобщениях такого рода чаще участвуют несколько глаголов (обычно два или три), валентность которых заполняется неопределёнными местоимениями, используемыми парами: *то, это, сё, туда, сюда, там, сям*, например: *То не бери, это не тронь* или *Туда не ходи, сюда не суйся*. Иногда один и тот же глагол повторяется с разными местоимениями: *Поддай то, поддай сё* или употребляются глаголы-синонимы: *Поддай то, принеси это*. Примечательно, что в конструкте может участвовать местоимение первого лица *я*, которое вообще-то с формой императива обычно не сочетается, ср.: *Я и на стол поддай, я и в магазин сходи*. Если в конструкте включено личное местоимение в дательном, то оно обозначает обычно того человека (или животное), кто якобы требует от говорящего или от того лица, которое говорящий представляет, выполнить определённое действие. Например: *Я ему и диссертацию защити, и детей воспитывай*. Диссертацию обычно не защищают кому-либо, у выражения *защитить диссертацию* вообще отсутствует валентность «дательный падеж». Под *ему* подразумевается тот человек, который якобы отдаёт подобные приказания. Ср.:

(9) Редко когда высунешь нос из своего подполья. Ты не знаешь, какая она... **Слова поперёк не скажи... То не делай, туда не ходи...** И на всё её воля. Ну, что я ей сделала?! Ну, за что она меня прокляла?! (Вероника Кунгурцева. Похождения Вани Житного, или Волшебный мел бесплатно).

(10) Простенькая графика и нарочитый визуальный примитивизм: картонные фигурки персонажей, тройные мускулы и круглые ножки, раскинутые на пол-лица глазища... **Но возражать не моги** – стиль (igromania.ru).

(11) Вот молодежь пошла: **слова-то ей не скажи, экзамен с зачетом не прими...** (aspirantura.spb.ru/forum).

Семантических ограничений на использование глаголов в роли филлеров нет, однако чаще всего употребляются глаголы, обозначающие действия, неприятные для любого человека, когда он чувствует, что им самим или вторым (третьим) лицом помыкают. В целом фразы-императивы в рамках данного конструкта всегда кратки. Глаголы-филлеры могут быть как несовершенного, так и совершенного вида. Чрезвычайно частотен глагол *подай* или *подавай*, причём *подай* обозначает непосредственную доставку какого-либо предмета или лица, а *подавай* обычно означает ориентацию «жертвы» приказов на продолжительные поиски и на большие затраты. В данной ФК может участвовать форма совершенного вида *скажи* с отрицанием: *то не скажи, это не скажи* или *ничего ему не скажи*, хотя сочетание отрицательной частицы *не* и / или отрицательного местоимения *ничего* с императивом совершенного вида – скорее редкость. Можно встретить даже грамматически ненормативную форму императива *не моги* в полусутоливых фразах, имитирующих чей-то запрет (хотя, возможно, этот запрет существует лишь в воображении говорящего).

6.3. Смешанная группа

В этой группе ФК могут встречаться и точные, и искаженные цитаты. Кроме того, в ФК этой группы цитаты (а значит, и передразнивание) могут и вовсе отсутствовать.

6.3.1. от N слышу: Дурак! – От дурака слышу!

Реакция (реплика-эхо) на неуместное или глупое замечание или обидную с точки зрения говорящего реплику. Конструкт обычно является ответом на инвективу и сам представляет собой прямую инвективу; тем самым он может явиться серьёзной помехой для протекания диалога в конструктивном ключе. В качестве филлера конструкт содержит повтор (полный или частичный) слова или словосочетания, которые показались говорящему особенно обидными или неуместными в замечании собеседника (слово-стимул). Филлер – всегда существительное. Цитация обычно точная, без каких-либо искажений. Исключения составляют переделки единственного числа на множественное (или наоборот), формы мужского рода на форму женского (или наоборот). Вот пример, где слово-стимул женского рода превращается в ответной реплике в слово женского рода:

(12) «Мне вас всех жалко, дурочка». – «**От дурочка слышу.**

Уходи, а то огрею чем-нибудь по загривку-то – враз жалеть перестанешь».

(Шукшин. Живет такой парень).

Возможна переделка услышанного – например, в виде стяжения нескольких слов в одно (создается эффект языковой игры), как в следующем примере:

(13) «Где ты у самолета ногу видела?» – полюбопытствовала я. – «Там же, где и у тебя», – огрызнулась она. – «Ума палата», – постучала я себя по лбу. – «**От умыпалаты слышу**», – полезла в драку сестра (Наринэ Абгарян. Всё о Манюне).

После прямой цитации могут встречаться добавления, цитатами не являющиеся, как в следующем примере:

(14) «Вот падло какое», – сказал Ваксон Нинке и показал большим пальцем на человеческую глыбу. – «**От падлы слышу!** – не выдержал Юрченко и дальше полностью сорвался: – **От врага, от предателя, троцкиста-фашиста еврейского!**» Развернулся отчаянный скандал (Василий Аксенов. Таинственная страсть).

Иногда в ответной реплике и вовсе нет цитаты, а имеется новое слово (обидное, негативно-оценочное), которое приходит в голову говорящему, когда он придумывает свой ответ как реакцию на обидную для него реплику-стимул, например:

(15) «Мародёрка!» – «**От каракатицы слышу!**» (Н. В. Нестерова. Зефир в шоколаде).

Такие случаи мы не можем отнести к передразниванию: в них отсутствует феномен повтора. Тем не менее первая реплика является и в них стимулом для реакции. Слово *каракатица* хотя и не синоним слова *мародёрка*, но последнее пробуждает в говорящем, реагирующем на однословную реплику, обиду и, как следствие, агрессивность, а выбранное для ответа слово негативно-оценочно коннотировано, что сближает его со словом-стимулом, хотя и не делает его синонимом.

6.3.2. [да] сам [ты] / [да] сами [вы] X!: *Дурак! – Сам дурак!*

ФК представляет собой реакцию на неуместное, неверное или глупое замечание (утверждение) или обидную с точки зрения говорящего реплику. Является прямой инвективой и может оказаться серьёзной помехой для протекания диалога в конструктивном ключе. В качестве филлера конструкт содержит повтор (полный или частичный) или синоним слова, которое показалось говорящему особенно обидным или неуместным в замечании собеседника (реплика-эхо). Можно рассматривать эту реплику-конструкт как содержащую передразнивание. Интересно, что цитата может следовать не сразу за репликой-стимулом, а отстоять от нее на некотором расстоянии. Особенно часто такие случаи наблюдаются, если говорящего по-настоящему обидело какое-то негативно-оценочное слово в его адрес. Говорящий может отреагировать на него не мгновенно, а с некоторой задержкой. По-видимому, ему требуется некоторое время, чтобы осознать, прочувствовать обиду. А возможно, он раздумывает, стоит ли на нее реагировать. Ср.:

(16) «Худая ты баба, вот что... Тебе кануны по упокойникам говорить, а не на конях ездить». – «И ты хорош, заводский варнак! – вскипел Анфим. – Сколько разов-то вывалил сам? Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала... **Сам ты баба!..**» (Мамин-Сибиряк. Хлеб).

ФК *сам ты X* отличается от сходной с ней ФК *от N слышу!* тем, что в конструктах, построенных на этой модели, чаще встречаются цитаты неточные, даже искажённые, синонимичные или вовсе выдуманные. Ср.:

(17) «Вы тоже американец? Нет? Меня не обманешь: я сразу понял, что вы любите носить разные шляпы». – «**Сам ты старая шляпа!**» (Андрей Битов. Преподаватель симметрии).

Второй участник диалога подхватывает слово *шляпа* из реплики собеседника не в той форме, в какой оно содержится в данной реплике, и добавляет к нему эпитет, которого не только нет в речи собеседника, но который собеседник вовсе не имел в виду. Кроме того, в реплике-конструкте слово *шляпа* обретает метафорически-оценочное значение (*вялый, неэнергичный человек или человек, не умеющий воспользоваться удобным случаем*), в то время как в реплике-стимуле значение у слова *шляпы* прямое.

Искажения могут быть и более существенными. Например, глагол в реплике-стимуле дает толчок к появлению существительного с тем же корнем в реплике-ответе:

(18) Не извольте безобразничать. – **Сам ты безобразник!** (Достоевский. Преступление и наказание).

Вот пример цитаты-синонима:

(19) Ска-атина, брат, ты... – **Сам ты животное** (Глеб Успенский. Сторона наша убогая).

Кроме того, конструкт, построенный по данной модели, может быть реакцией не только на инвективу, как это наблюдается для ФК *от N слышу!*, но и на любое неверное или неуместное (с точки зрения говорящего) утверждение. Например:

(20) Вон там в траве змея! – **Сам ты змея**. Это безногая ящерица! (Из частного бытового диалога).

(21) Гречи в бар-рабан и – не бойся... «**Сам ты барабан...**» – с раздражением подумал Фома (Максим Горький. Фома Гордеев).

(22) Ну что ж, тебе и карты в руки. – **Сам ты карта!** (Из частного бытового диалога.)

В последнем из этих примеров имеет место искажение: из фразеологизма *кому-либо карты в руки* выхватывается одно слово, меняется его форма и слово приобретает совсем иное значение, чем оно имело внутри фразеологизма. Примечательно, что цитации подвергается не последнее слово (*руки* или *рука*), а неконечный элемент предшествующей реплики. Ср. повтор начального слова из реплики-стимула:

(23) «С норвежцем вместе пришли, да и хозяйничают», – заметил Вадим. – «**Сам ты норвежец**», – громко ответил ему звук, оправившись от могучего надавливания руки Вадимовой (К. К. Случевский. Черная буря).

Филлер может быть представлен не только существительным, как в ФК *от N слышу!*, но и словом любой другой части речи. Например, глаголом:

(24) «Нет, врешь, ты этого не можешь сказать!» – «Нет, брат, сам ты врешь!» (Гоголь. Мертвые души).

Или наречием:

(25) «Батьку дорогу! – кричали другие; толкая в плечи прохожих. – Позаливали себе очи и ничего не видят! Эй, пьяницы, набок!» – «**Сам ты набок!**» – отбранивались те (М. П. Старицкий. Молодость Мазепы).

В данном примере интересно то, что отвечающие цитируют не обидное для них обращение *пьяницы*, а наречие *набок*, которое, казалось бы, не содержит обидной для них семантики.

Вообще вопрос о том, какое именно слово из целой фразы является наиболее вероятным кандидатом для цитирования, пока не исследован.

6.3.3. **я / он / она / мы / они [вам / тебе / ему / ей / им] не X: Я вам не ведьма!** (Ксения Алексеенко. Заголовок романа).

Данная ФК может рассматриваться как аналог и полный синоним ФК **какой / какая / какие я / мы / он / она / они вам / тебе X? / !** (*Какая я тебе бабка!*), когда конструкт используется по типу реплики-эха. И в этой ситуации мы имеем дело с передразниванием в виде точной цитаты. Однако данная ФК не обязательно содержит цитацию: она часто используется для формулирования оценки ситуации, для называния отношения другого человека (или животного) к говорящему и одновременно как сигнал отпора, протеста против такого отношения. Например:

(26) Преподавательство в кабинете продолжалось. «Онокодзи, **я вам не дойная корова!**» (Борис Акунин. Алмазная колесница).

Никто не называл в ситуации, описываемой Акуниным, произносящего данную реплику дойной коровой: его просят о выдаче немалой денежной суммы. А он оценивает отношение к своей персоне посредством идиомы *дойная корова* и реагирует на подобное отношение отпором. Здесь перед нами не передразнивание.

6.4. ФК с цитатами – полными и намеренными искажениями как тип языковой игры

6.4.1. **X-Y: умер-шмумер**

Конструкт представляет собой неточное удвоение какого-либо слова, где второе слово конструкта является коверканьем первого и отсутствует в словаре. Смысл конструкта в том, чтобы предложить вниманию собеседника или аудитории рифму,

которая звучит смешно и одновременно часто выражает презрение или пренебрежение к референту первого слова или к тем людям, которые относятся к этому референту всерьёз. Иногда конструктор выражает пренебрежение или ироничное отношение к человеку, который просто произнёс в своей реплике слово X: говорящий, сочиняя рифму к этому слову, занимается прямым передразниванием. Передразнивание может быть и псевдопередразниванием: например, когда говорящий предполагает, что некто, кого он якобы цитирует, на самом деле ничего подобного не говорил, но, наверное, мог бы сказать или хотя бы подумать. Говорящий как бы вкладывает в чьи-то уста некую цитату, которая на самом деле является псевдоцитатой. Например:

(27) Чехия – чудесная страна, с интересной историей, богатой архитектурой и уникальной культурой. Однако для многих туристов вся эта **культура-шмульта** – приятное дополнение к... пиву! (dzen.ru).

Путем коверканья слова *культура* и удвоения с использованием рифмы автор данного примера косвенно выражает свое презрение по отношению к туристам, которые в Чехии интересуются в первую очередь пивом.

Чаще всего для сочинения несуществующего слова Y используются начальные буквы *ш*, *шм* или *м*¹. Данные буквы могут вытеснить первые буквы слова X или добавиться к нему слева: *культура-шмульта* или *культура-мульта*, *маятник-шмаятник*. Слово, придуманное говорящим, должно вызывать улыбку. Ср.:

(28) Мошенники пытались узнать, кто я и откуда, после отказа в информации кинули трубку, прикинулись каким-то **медиа-шмедия** (ruscolumb.ru).

(29) Нет, я, конечно, понимаю, **форум-шморум** там всяческий. Собрались, поговорили, выпили и закусили. Но народ же тоже должен удовольствие получить (dzen.ru).

Обычно слово, придуманное «в рифму», просто бессмысленно, но изредка вызывает ассоциации (и его использование навеяно, видимо, теми же ассоциациями). Так, для слова *полиция*, встречаются рифмы: *полиция-шмолиция* или *полиция-шмалиция*: в этих парах прослеживается ассоциация с глаголом *шмолять*, или *шмалять* ('стрелять', блатной жаргон).

В принципе данная конструкция продолжает давно бытующую традицию придумывания осмысленных или бессмысленных, но забавных, занятных рифм к самым разным словам, благодаря чему создаются пары типа *фокус-покус*, *страсти-мордасти*, *руки-крюки*, *любовь-морковь*, *Маша-растеряша* и многие другие. Некоторые встречаются в детских считалочках, например: *шишел-мышел*, *эники-бэники*. В русском дискурсе бытуют также стандартные и грубые по стилю рифмованные дразнилки-ответы типа «Где? – В Караганде!»; «Кто? – Конь в пальто!»; «Как твой муж?» – «Муж объелся груш» и т. п. А высказывание *Ай, умер-шмумер, лишь бы был здоров!* – крылатая фраза, вошедшая в русский язык из еврейского анекдота и передающая смысл: 'полное невнимание к словам собеседника'. Имеется даже словарь подобных реплик-ответов: [6]. Некоторые рифмованные «дразнилки» можно найти и в [9].

Заметно, что примеры, отобранные для соответствующей словарной статьи, взяты из интернет-порталов (преимущественно форумов и иных социальных сетей). Подобные примеры практически отсутствуют в художественной литературе – тем более, переводной. Для перевода приходится обращаться к собственным ресурсам или к искусственному интеллекту. Приведем здесь один пример перевода:

(30) Организм сыроеда самостоятельно способен синтезировать абсолютно все необходимые витамины, поэтому ему никакие **витамины-шмитамины** не нужны (leafleta.livejournal.com) / Der Körper eines Roh-

köstlers ist in der Lage, alle notwendigen Vitamine eigenständig zu synthetisieren, daher benötigt er keine **Vitamine-Schmitamine**. (Пер.: ChatGPT).

7. Заключение

В статье рассмотрены некоторые виды передразниваний и псевдо-передразниваний, основанных на синтаксических фразеологизмах-конструкциях (ФК). Для отбора, описания и классификации представленных здесь ФК понадобилось сформулировать развернутое определение передразнивания как коммуникативной стратегии. Было показано, что передразнивание по природе своей диалогично, хотя встречается не только в диалогах.

Все представленные здесь ФК были сгруппированы по критерию «степень искажения»: ФК с точной цитацией, ФК с псевдоцитацией, смешанные случаи и ФК, служащие для создания языковой игры на основе цитации.

Описание ФК было кратким: в базе данных, которая в настоящий момент составляется для русских ФК и их переводов на немецкий, сведений о них значительно больше.

Кроме того, в статье в связи с ее темой сформулировано несколько вопросов, которые можно рассматривать как стимул для продолжения исследований в направлении лингвопрагматики и изучения диалогического дискурса.

Примечания

1. Сочетание шм, возможно, восходит к языку идиш.

Список источников и литературы

1. Арутюнова Н. Д. Диалогическая цитация: (к проблеме чужой речи) // Вопросы языкознания. 1986. № 1. С. 50–64.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1966. 569 с.
3. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии М.: Знак, 2008. 656 с.
4. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии (краткий курс) : учебное пособие. М.: Флинта, 2014. 307 с.
5. Большой академический словарь русского языка (БАС) : [в 30 т.]. М.; СПб.: Наука, 2004– .
6. Бондаренко В. П. Ответные реплики в русской диалогической речи : словарь. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та, 2013. 339 с.
7. Верещака Н. Ю. Вербальные и невербальные компоненты коммуникации, используемые при обращении к словам оппонента в ситуации конфликта // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 409–413.
8. Гришина Е. А. О мультимодальных кластерах в устной речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды междунар. конф. «Диалог 2010». М.: ИЦ РГГУ, 2011. С. 257–272.
9. Зимин В. И., Спиринов А. С. Пословицы и поговорки русского народа: Большой объяснительный словарь. М.: Феникс, 2008. 590 с.
10. Костяев А. П. Дискурсивные маркеры вербальной агрессии в профессиональной коммуникации // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2010. № 19. С. 101–109. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18344454> (дата обращения: 15.07.2023).
11. Купина Н. А., Михайлова О. А. Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. 591 с.
12. Левонтина И. Б. Об арсенале ксенопоказателей в русском языке // Вопросы языкознания. 2020. № 3. С. 52–77.
13. Русская грамматика : в 2 т. / ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1. С. 95–104.

14. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Академия наук СССР, 1960. С. 270–279.
15. Шведова Н. Ю. О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи // Вопросы языкознания. 1958. № 2. С. 93–100.

References

1. Arutyunova, ND 1986, 'Dialogicheskaya tsitatsiya (k probleme chuzhoy rechi)' (Dialogic quotation (Towards the problem of other people's speech)), *Voprosy Jazykoznanija*, no. 1, pp. 50–64. (In Russ.)
2. Akhmanova, OS 1966, *Slovar' lingvisticheskikh terminov* (Dictionary of Linguistic Terms), Sov. Entsikl publ, Moscow. (In Russ.)
3. Baranov, AN & Dobrovolskiy, DO 2008, *Aspekty teorii frazeologii* (Aspects of the phraseology theory), Znak publ, Moscow. (In Russ.)
4. Baranov, AN & Dobrovolskiy, DO 2014, *Osnovy frazeologii (kratkiy kurs)* (The basics of phraseology. Short course), Flinta publ, Moscow. (In Russ.)
5. *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka v 30 t.* (Large Academic Dictionary of the Russian Language in 30 volumes) 2004. Nauka publ, Moscow, St.Petersburg. (In Russ.)
6. Bondarenko, VP 2013, *Otvetye repliki v russkoy dialogicheskoy rechi* (Response lines in Russian dialogue speech), Izd-vo Tul. gos. ped. un-ta publ, Tula. (In Russ.)
7. Vereshchaka, NYu 2020, 'Verbalnye i neverbalnye komponenty kommunikatsii, ispol'zuyemye pri obrashchenii k slovam opponenta v situatsii konflikta' (Verbal and non-verbal components of communication as reaction to an opponent's words in a conflict situation), *The world of science, culture and education*, no. 3 (82), pp. 409–413. (In Russ.)
8. Grishina, EA 2011, 'O mul'timodal'nykh klasterakh v ustnoy rechi' (Multimodal clusters in oral speech), *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, ITS RGGU publ, Moscow, pp. 257–272. (In Russ.)
9. Zimin, VI & Spirin, AS 2008, *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda: Bol'shoy obyasnitel'nyy slovar'* (Proverbs and sayings of the Russian people: Large explanatory dictionary), Feniks publ, Moscow. (In Russ.)
10. Kostyayev, AP 2010, 'Diskursivnyye markery verbal'noy agressii v professional'noy kommunikatsii' (Discursive markers of verbal aggression in professional communication), *World of Linguistics and Communication*, no.2(19), viewed 15 July 2023, <http://tverlingua.ru/archive/019/9 19.pdf>. (In Russ.)
11. Kupina, NA & Mikhaylova, OA 2004, *Kulturnyye praktiki tolerantnosti v rechevoy kommunikatsii* (Cultural practices of tolerance in speech communication), Izd-vo Ural. un-ta publ, Ekaterinburg. (In Russ.)
12. Levontina, IB 2020, 'Ob arsenale ksenopokazateley v russkom yazyke' (On the arsenal of xeno-indicators in the Russian language), *Voprosy Jazykoznanija*, no.3, pp. 52–77. (In Russ.)
13. Shvedova, NYu (ed.) 1980, *Russkaya grammatika* (Russian Grammar), vol. 1, Nauka publ, Moscow, pp. 95–104. (In Russ.)
14. Shvedova, NYu 1960, *Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoy rechi* (Essays on the syntax of Russian colloquial speech), Akademiya nauk SSSR publ, Moscow, pp. 270–279. (In Russ.)
15. Shvedova, NYu 1958, 'O nekotorykh tipakh frazeologizirovannykh konstruktsiy v stroye russkoy razgovornoy rechi' (About some types of phraseological constructions in the structure of Russian colloquial speech), *Voprosy Jazykoznanija*, no. 2, pp. 93–100. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 13.09.2023
Одобрена после рецензирования: 17.10.2023
Принята к публикации: 17.10.2023

The article was submitted: 13.09.2023
Approved after reviewing: 17.10.2023
Accepted for publication: 17.10.2023